

Критика и библиография

„Максим из Кольцовки“

Повесть
о народном артисте СССР
М. Д. Михайлове

«Занятия в школе стали у Максима в центре его жизни, — пишет автор повести. — Как они были не

Помните, теплоход, развернувшись, сбавляя ход, медленно подошел к чебоксарскому причалу. И когда на дебаркадер ступил седой человек, его сразу окружила молодежь с большими букетами осенних цветов.

— Спасибо, друзья, спасибо, товарищи, — растроганно отвечал он, принимая цветы. Чуть помолчал. — А смотрите, они и пахнут по-другому, свой запах, родной земли...

Так встретили в Чебоксарах своего знатного земляка, народного артиста Союза ССР Максима Дормидонтовича Михайлова. Это было в сентябре пятьдесят шестого года.

Через полчаса мы сидели в гостинице, в номере у Максима Дормидонтовича. Это было своеобразное интервью. Вместо того, чтобы рассказывать о себе, гость прямо-таки засыпал нас вопросами: какие новые заводы построены в Чебоксарах с той поры, как он здесь был, скоро ли будет строиться новое здание театра, как решается жилищная проблема, что нового у работников искусств.

— Вот выступим своей бригадой в Чебоксарах, — сказал он, — потом хочу побывать в Кольцовке, спеть, отчитаться перед односельчанами. Теперь там, говорят, и пианино есть. А то в прошлый приезд пришлось петь под баян...

Кто-то в разговоре упомянул, что в этот день была дата гибели героя гражданской войны В. И. Чапаева.

— Жаль, — сказал артист, — что Анна Сергеевна Кузнецова заболела, не смогла приехать. У нас с ней есть дуэт о Чапаеве. Надо бы исполнить эту песню на родине Василия Ивановича. А впрочем... Впрочем, вечером услышите.

С певицей Марией Ефимовной Агаповой Максим Дормидонтович выехал на гастроли впервые. И тут же, утром, он предложил своим коллегам готовиться к вечернему концерту. Одна из комнат филармонии стала их рабочим местом. И дуэт о Чапаеве был подготовлен! Вечером в театре мы его услышали:

Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцу крылом...
Не накличешь сердцу горя,
Все равно свое возьмем!

Через несколько дней вместе с артистами мне довелось побывать в родной деревне Максима Дормидонтовича — в Кольцовке. Это была поистине трогательная, волнующая встреча выдающегося певца с трудолюбивыми колхозниками. А творческий отчет солиста Большого театра затынулся в просторном клубе до глубокой ночи.

Весь следующий день Максим Дормидонтович провел в деревне. Навестил родственников, друзей детства, побывал на полях, фермах.

Из Кольцовки уезжали под вечер. Максим Дормидонтович сидел в машине молча, думая о чем-то своем. Потом тихо сказал:

— Как это все-таки хорошо... Вот побывал дома, и стало будто светлее... Петь хочется. Хорошо петь! Большая это сила — сила земли родной...

Обо всем этом и о других встречах с Максимом Дормидонтовичем в его московской квартире, в Большом театре мне вновь вспомнилось сейчас, когда закрыл последнюю страничку хорошей, теплой книги Анны Кузнецовой «Максим из Кольцовки».

Автор этой книги та самая певица, о которой сокрушался Максим Дормидонтович, что она не смогла приехать в Чебоксары. Двадцать лет А. С. Кузнецова знает М. Д. Михайлова по совместной работе, И гастрольные поездки, длительные беседы с Максимом Дормидонтовичем навели ее на мысль создать повесть о жизненном пути этого известного мастера оперного искусства, о его необыкновенном пути на сцену.

А путь этот был тяжел и тернист. С детских лет у Максима был чистый, звонкий голос, редкая музыкальность. Надо было учиться, и прежде всего пению. Но перед бедным крестьянским парнем были закрыты все двери музыкальных школ. Острыми шипами, горечью и потом, унижениями и оскорблениями была усыпана его дорога в монастырский хор. Это в ту пору был единственный путь, чтобы стать певцом.

Михайлов уже всерьез готовился поступить на сцену, добрые люди помогли ему устроиться в музыкальную школу.

похожи на пастырские курсы! «Теория музыки!» — полный гордости, произносил про себя Максим. — Ведь это основа музыки! Симфонии! Оперы!..» Теперь все сосредоточилось для него в этих словах.

После первого выступления Максима Дормидонтовича в концерте казанская газета напечатала рецензию под заголовком «Многообещающий бас Михайлова». Он готовил арию из оратории Генделя, арию Варяжского гостя из «Садко», разучивал роль Ивана Сусанина. Собирался вот-вот попробовать свои силы на сцене, днями пропадал в театре, помогал художнику готовить декорации.

И тут... кайзер объявил войну России.

Михайлова могли забрать в солдаты. Он было и сам согласился с этим.

— Ты не имеешь права распоряжаться собой, многообещающий бас, — накричал на него учитель. — Знаешь ли ты, что если бы не твой бас, ты бы сейчас свиней пас! А теперь, когда перед тобой открывается большая дорога, ты кидаешься на убой! Выбрось это из головы!

И учитель, решив спасти своего талантливого ученика, добился, что на Максима надели ризу дьякона. Это избавило его от армии, но и закрыло дорогу в театр. В ту пору ни на одну сцену не допустили бы дьякона-расстригу.

Его мечта осуществилась только после Великого Октября.

Михайлов переехал в Москву, и он стал бывать в театрах, на концертах, вольнослушателем посещал консерваторию. «А, может быть, еще не поздно?» — думал он о сцене.

И вот сама жизнь послала ему советчика.

На улице Михайлова остановил, придержав за рукав, Алексей Максимович Горький. От неожиданности Михайлов растерялся и сразу даже не понял, что говорил ему писатель, слышал только упоминание о Шалыпине, о Волге. Горький повторил:

— Когда же мы вас в опере услышим? Пора бы!

— Я много думал об этом, Алексей Максимович. Но не решаюсь, музыкальной культуры у меня мало, трудно будет!..

Горький улыбнулся одними глазами:

— А вы все-таки попробуйте! Я уверен, что у вас получится, к тому же вам помогут, покажут... Трудно? Это верно, но русские никогда трудностей не боялись.

Михайлов хотел признаться, что почти закончил консерваторию, но побоялся, как бы это не было похоже на хвастовство.

Через несколько дней Максим Дормидонтович был в кабинете Анатолия Васильевича Луначарского. Разговор был очень короткий и сердечный. Луначарский просил Михайлова украсить советское искусство своим редким голосом.

— Знаем, что вы любимец народа, — говорил нарком. — Но пока только одной его части. Перейдя на радио, я уверен, станете любимцем всего народа. Слушать вас будут во всем необъятном Советском Союзе: и на Чукотке, и на Памире, и в вашей родной Кольцовке.

Михайлов рассказал наркому о встрече с Горьким.

— Ах, Горький, Горький! Ясновидец человеческой души! — задумчиво проговорил Луначарский.

— Если вы находите, что я достоин... Искусство — цель моей жизни...

Нарком обнял Михайлова и весело сказал:

— В первую передачу будем слушать «Варяжского гостя», обязательно «Варяжского гостя», и хорошо бы «Мельника».

И стал Максим Дормидонтович сначала певцом на радио, а затем в Большом театре...

Повесть Анны Кузнецовой «Максим из Кольцовки» документальна, и в этом, пожалуй, одно из преимуществ книги, написанной образно, ярко, хорошим литературным языком.

И право же, очень хорошо сделало Чувашское государственное издательство, подарив читателям эту книгу.

Н. СТУРИКОВ.